

Желая выяснить, что происходит, Кай на полной скорости помчался по грязным тропинкам Уайтшора.

Несколько знакомых голосов спорили на деревенской площади. Неторопливый властный тон старейшины Руана, мэра Уайтшора, преобладал над остальными — Кай подозревал, что это было умение. Закон республики гласил, что каждым городом должен руководить мэр, но сообществами на островах всегда управлял старейшина. Даже если официальный титул изменился, то то, как люди называли ее, не изменилось.

Достигнув площади, он наткнулся на стену людей, остановивших его натиск. Казалось, все жители деревни собрались и были переполнены на прилегающих улицах.

Странный незнакомый голос выделился среди бормотания толпы. Гнусавый тон, который он не узнал, но акцент отозвался в его голове звоном колокольчика. Он был похож на голос его отца, но более выражен.

Кай протискивался между толпой, используя свой маленький рост, пока не нашел своих родителей впереди, недалеко от старейшины Руана.

Пожилая леди была известна своей строгостью, но у нее всегда находилось доброе слово, когда в нем больше всего нуждались. Ходили слухи, что ей было далеко за сто, но выглядела она ни на день не старше шестидесяти. Теперь ее морщинистое лицо превратилось в ледяную маску, как будто она хотела вырвать душу из троицы, с которой столкнулась.

“У вас есть две недели на подготовку, это прямой указ, подписанный губернатором по поручению местного совета”. Говоривший был мужчиной с темными жидкими маслянистыми волосами и обладателем гнусавого голоса.

Он был одет в черно-белую униформу с серебряным гербом, изображающим парящего ястреба на груди — символ Мерианской республики. У двух его товарищей были такие же гербы, но их черная форма с меньшим количеством украшений и дубинкой на боку говорила об удобстве.

Мужчина продолжил, как будто читая отрепетированный сценарий. “Отказ подчиниться является уголовным преступлением, это все для большего блага нашего сообщества. Вам всем предоставят новое жилье и выплатят соответствующую компенсацию”.

Казалось, он был занят тем, что пытался избежать пристального взгляда старейшины Руана, но куда бы он ни посмотрел, он не находил ничего, кроме яростных взглядов.

Прошло совсем немного времени, прежде чем мужчина лет двадцати вышел вперед и закричал, тыча в него указательным пальцем: “Ты не можешь этого сделать! Это наша земля, моя семья жила здесь со времен моего прапрадеда. Возвращайся в ту дыру, из которой ты вылез, республиканский пес!”

Последовала серия оскорблений, которые скандировала вся толпа, проклиная Республику и трех эмиссаров. Все, от детей до старших, присоединились к хору.

Следующее, что он помнил, - мучительный крик, разорвавший хаос. Кай заметил движение только краем глаза и сначала не был уверен, что произошло.

Молодой человек, который первым шагнул вперед, кричал, стоя на коленях, держась за руку, которой он указывал, или за то, что от нее осталось. Его правая рука была разорвана в клочья. После запястья виднелась только сломанная белая кость среди фонтана крови и искореженной

плоти.

Толпа внезапно замолчала. Кай тупо уставился на происходящее. Только что все было хорошо, а в следующий момент повсюду была кровь.

Его внимание привлек влажный звук. Единственный звук, кроме вопля мужчины.

Разум Кая не сразу понял, на что он смотрит. Затем он заметил несколько фрагментов слоновой кости. На земле лежала отсутствующая рука или то, что от нее осталось. Искалеченное месиво из плоти, крови и костей было бы более точным.

Подняв взгляд, Кай увидел виновника. Несколько мгновений назад за спиной говорившего стоял мужчина с маслянистыми волосами. От левой скулы до уголка рта тянулся шрам. Но не это и не его неуклюжее телосложение выделяло его, а выражение его лица.

В нем не было гнева, жажды крови или вины. После того, как он покалечил другого человека, он выглядел почти скучающим. Он проигнорировал кричащего мужчину и месиво плоти у своих ног. Вместо этого он с раздражением уставился на свою окровавленную руку, как будто это было самым важным делом.

Неужели он действительно сделал это голыми руками?! Взгляд Кая на то, что возможно как в насилии, так и в физической мощи, к настоящему моменту был переписан заново.

“Нападение на офицера Республики - серьезное преступление, на этот раз я отпускаю вас с предупреждением”. Сказал он с глубокой усмешкой, доставая тряпку, чтобы вытереть кровь со своей руки.

“Спасибо вам за ваше рвение, силовик Грегор”. Сказал оратор, глядя на это зрелище с легким отвращением, прежде чем повернуться к толпе. “Этот вопрос не подлежит обсуждению. Вы должны быть благодарны губернатору за то, что он был так щедр и дал вам две недели на подготовку к переводу. На эту землю претендовала Республика Мериан для будущего развития этого архипелага.

“Если вы откажетесь подчиниться, будут гораздо более неприятные последствия. Я оставляю детали на усмотрение мэра”. В заключение мужчина сунул старейшине Руану пачку документов и поспешно ушел.

Толпа не расступалась, шок и страх уступили место гневу. Казалось, они были готовы броситься на троих.

“Дайте им пройти”, - сказал старейшина Руан.

Никто не пошевелился.

“ Ну же. Ты меня слышал.

Люди неохотно расступались, бросая убийственные взгляды на троих человек и плюя туда, где они проходили.

“Труссы”. - Сказал Силовик Грегор с ухмылкой. Мужчина с маслянистыми волосами свирепо посмотрел на своего напарника, в то время как другой силовик положил руку на дубинку, висевшую у него на поясе.

“Остановитесь!” Старейшина Руань не кричала, но ее голос разнесся по всей деревне, оказывая почти физическое воздействие.

Все замерли, включая троих эмиссаров, пусть и на мгновение. Кай почувствовал себя так, словно его пригвоздили к земле, он должен был оставаться на месте, несмотря ни на что.

“Если курица кудахчет в твой адрес, только дурак кудахчет в ответ. Не опускайся до их уровня”. Сказала пожилая женщина, внезапно став намного старше и устале.

Грегор, казалось, хотел что-то сказать, но другой мужчина схватил его за руку и потащил прочь.

После того, как они ушли, люди снова обратились к старейшине Руану.

“Почему вы остановили нас после того, что они сделали с Налом? Как он собирается работать без руки? Мы могли бы их забрать”. Из толпы донесся недовольный крик. Вскоре к этому голосу присоединились многие другие.

Пожилая женщина подождала, пока толпа успокоится, прежде чем заговорить.

“Это правда, что мы могли победить, но что потом?” Взгляд старейшины Руана призывал любого высказаться.

“Пришли бы еще, и ни один мужчина, женщина или ребенок не были бы пощажены”.

Кай узнал мать Аны, шагнувшую вперед: “Мы могли бы попросить помощи в других деревнях”.

Руан повернулась к женщине с каменным выражением лица: “И ты думаешь, мы сможем превзойти их числом? Если мы призовем сотню человек, они смогут собрать тысячу. Это не та битва, которую мы можем выиграть”.

“Ну и что? Мы позволяем им брать все, что они хотят? Они забирают наш дом, что они собираются забрать дальше.” Мать Аны продолжала говорить с жаром.

Старейшина Руан колебался. “Если бы дело было только во мне, мне было бы все равно, я бы прямо сейчас отправился к губернатору, чтобы сообщить ему, что я думаю. Но помни, если ты выберешь этот путь, ты подвергнешь риску всех, кого знаешь, они не остановятся на тебе одном”. Пожилая леди позволила тишине затянуться на несколько секунд.

“Готовы ли вы рискнуть всеми своими семьями и друзьями? Мой долг - защищать всех жителей Уайтшора, и я выполню его, даже если мне придется поступиться своей гордостью”.

На этот раз у толпы не было ответа, люди оглядывались на свою семью и друзей, не зная, что сказать.

По взрослому от каждой семьи остались, чтобы обсудить детали того, что они собирались делать. Все остальные вернулись по домам, мрачные и побежденные.

Кай не понял всего, что произошло, но был совершенно уверен, что их выселяют.

* * *

Когда все части сложились вместе, картина не выглядела многообещающей.

"Туристический проект" был настолько успешным, что у них уже нашлись покупатели на все эти дурацкие виллы. Затем губернатор смог убедить совет Хайарбора дать зеленый свет его следующему плану, который был совершенно другого масштаба.

Для развития экономики архипелага острова будут разделены на районы. Большие участки земли планировалось зарезервировать под эксклюзивные курорты, плантации или продать частным инвесторам. Чтобы освободить место, самые маленькие деревни были бы сгруппированы в более крупные поселения. Таким образом, они также могли бы 'найти новые возможности'. Более удачный способ назвать это принудительной урбанизацией.

Многие считали, что истинная причина заключалась в том, чтобы освободить лучшие части архипелага для богатых людей с континента, которым могло не понравиться присутствие бедных островитян. В лучшем случае они предпочитали смотреть на них издали, чтобы создать более "деревенский" вид, как будто это были какие-то животные из зоопарка.

Правда вряд ли имела значение. Факт заключался в том, что Уайтшор прекратит свое существование, а жителей деревни отправят в разные поселения, некоторые из которых даже не на Ятоле. У них было две недели, чтобы собрать все, что они могли унести, и выбрать, кто куда поедет. Щедрость губернатора поистине не знала границ.

Только теперь Кай понял, что, когда мать сказала ему, что законы Республики защищают тебя, только если ты того стоишь, это было сказано буквально.

Нас облажались, и у нас нет права голоса в этом вопросе.

* * *

Последовали две недели лихорадочной деятельности с большим количеством слез и прощаний.

Кеандра закатила несколько истерик, клянясь, что они за это заплатят. Кай хотел сделать то же самое, но у его родителей было достаточно забот, чтобы он не закатывал истерику. Он молча проклинал губернатора и всех его приспешников, не сводя глаз с Кеандры и Элени, чтобы позволить им разглагольствовать сколько душе угодно.

Им не только пришлось покинуть свои дома, но и разделить на пять групп, только две из которых останутся на Ятоле. После долгих обсуждений семью Кая определили в одну из двух групп, направляющихся на Яньлун, самый большой остров архипелага Бакер.

Они направлялись не в Хайарбор на северо-восточном побережье, а в Гринсайд, небольшой городок на южной оконечности Яньлуна. Из того, что знали его родители, это был не очень заметный город, но, должно быть, он недавно расширился, раз пережил уничтожение небольших поселений.

Семья его друзей тоже собиралась в Яньлун, но они были частью другой группы, которая собиралась в Хайарбор. Он собирался застрять в Гринсайте один. Оставалось надеяться, что,

находясь на одном острове, они все еще смогут видаться.

На рассвете 14-го дня после объявления об этом появилась группа посланников Республики. Их вела женщина с холодной улыбкой, на униформе которой красовался серебряный ястреб. Остальная свита состояла из сурового вида силовиков в черном с белыми гербами и других чиновников в серой униформе с черными гербами. Каю было наплевать на разные ранги чиновников, и они тоже не потрудились ничего объяснить.

Женщина представилась помощником шерифа Марлин и сразу же начала руководить группами. Казалось, она привыкла командовать людьми и ожидала, что они будут точно следовать ее расписанию.

Под недовольные комментарии и шквал гневных взглядов жителей деревни, которые взяли за правило не торопиться с последними прощаниями, начался массовый исход.

Это была единственная свобода действий, которую они могли себе позволить. Ряд силовиков стоял угрожающе, напоминая о насилии, которое может развязать Республика, если они не подчинятся.

Они были готовы бросить свои дома и большую часть своего имущества, и ничего нельзя было поделаться. Они были бессильны.

Три группы, покидающие Ятол, были отведены на пляж, прилив был высоким — вероятно, именно по этой причине им дали две недели на подготовку. Два больших корабля ждали в более глубоких водах, в то время как отряд из шести судов поменьше перевозил людей туда и обратно.

К великому раздражению помощника шерифа Марлина и его удовлетворению, было далеко за полдень, когда они, наконец, были готовы отплыть.

Семья Кая села на более крупный корабль, направлявшийся в Яньлун. Он кое-чему научился у моряков о навигации, но маленькие плоты, которые они использовали для ловли рыбы, имели мало общего с этим трехмачтовым кораблем. На его белых парусах гордо красовался голубой парящий ястреб Республики.

Им действительно нравится наносить это на все подряд.

К их великой удаче, пришел помощник шерифа Марлин со своей группой. Их уложили друг на друга, велели оставаться на местах и не раздражать команду. Яньлун находился не слишком далеко от Ятола, и, если им повезет, они доберутся туда за полтора дня.

Кай видел карту архипелага Бакер в доме старейшины Руана, но не был уверен, насколько она точна. Алана пообещала ему, что они совершат экскурсию по Ятолу, когда он подрастет. Это была еще одна вещь, которую Республика отняла у него.

Он действительно думал, что ему повезло в этой жизни, но как бы сильно ты ни хотел во что-то верить, это не делает это правдой. Его дом был разрушен, и он ничего не мог с этим поделать.

Он попытался ударить кулаком по настилу корабля, но лучше ему от этого не стало, рука просто адски болела.

Из-за почти сотни пассажиров плюс матросы здесь не было места ни для движения, ни для каких-либо других занятий, кроме как смотреть на бесконечные голубые просторы.

Когда они покинули отмель, Кай увидел множество больших темных теней, движущихся под поверхностью, но, к его великому разочарованию, они держались подальше от корабля.

Казалось, даже погода ему назло. В то время как его жизнь рушилась, над головой ярко светило солнце, а море было спокойным. Сейчас он предпочел бы шторм и гром. Тишина во всем этом была невыносимой.

Он слишком хорошо знал, что жизнь несправедлива, но тогда почему это все равно причиняло боль каждый раз, когда судьба решала ударить его по лицу?

Ему хотелось закричать и закатить истерику века, но даже сейчас его тупой мозг не мог не думать о последствиях. В лучшем случае кто-нибудь избил бы его, пока он не заткнулся. В худшем случае его родители оказались между двух огней, и ситуация обострилась.

Глупый мозг!

Он уже собирался попробовать ударить кулаком по кораблю еще раз, когда его друзья подошли и сели рядом с ним. Близнецы попытались пошутить, но он был не в настроении. Он знал, что должен сказать что-нибудь, чтобы они почувствовали себя лучше, но не мог найти в себе сил подумать об этом.

Лу молча сел рядом и обнял его. - Я буду скучать по тебе, - пробормотал он.

На мгновение Кай был ошеломлен. Ане не потребовалось много времени, чтобы присоединиться, у нее все еще были большие красные опухшие глаза от слез. Это был их последний раз за долгое время, когда они виделись. Но что он должен был сказать? Что все будет хорошо? Он этого не знал.

Близнецы еще несколько мгновений сохраняли спокойствие, прежде чем присоединиться к групповому объятию. Больше ничего не нужно было говорить.

Мне действительно везло, только недостаточно долго.

Они уже попрощались в Уайтшоре и теперь сидели молча, глядя на океан. Он будет скучать по ним, но, по крайней мере, они будут друг у друга. Они все уснули, сбившись в небольшую кучку, сражаясь за два одеяла, которые делили на двоих.

Открыв глаза, на следующий день его тело запротестовало против шершавой доски пола, и он был не единственным. Жители деревни становились все раздражительнее, их держало в узде только присутствие стражей порядка.

Судя по нескольким отрывкам, которые он понял из странного жаргона моряков, они собирались добраться до места назначения сегодня до наступления сумерек.

Волны были спокойными, как это обычно бывает на Мелководье, - еще один прекрасный день для путешествия, если не обращать внимания буквально на все остальное. К счастью для него, у него было четверо сварливых детей, о которых нужно было заботиться. Трех более чем достаточно, чтобы занять его.

Раздражающая обязанность в любое другое время превращалась в желанный вызов отвлечься от гнетущих мыслей.

Почему-то день пролетел одновременно слишком быстро и слишком медленно. У Кая хватило

осознанности понять, что это был печальный конец важной части его второй жизни. Кто знал, к чему приведет следующий шаг, но он не был слишком оптимистичен.

Они добрались до места назначения вскоре после наступления сумерек. Они должны были быть более чем достаточно близко, чтобы увидеть Яньлун, но облака окутали луны темнотой. Цепочка огней вдалеке была единственным видимым признаком их нового дома, Гринсайда.

Кай, по крайней мере, был рад, что у него появилась возможность размять ноги.

“Слушайте все! Помощник шерифа Марлин собирается сделать заявление, и она не будет его повторять”. - Крикнул силовик, заставив нескольких человек очнуться ото сна и громко пожаловаться.

Подождав несколько секунд, пока люди успокоятся, Марлин выступила вперед. “Мы достигли нашей первой остановки, Гринсайд. Поскольку час уже поздний, вы проведете ночь на корабле, а утром вас отведут в ваши новые покои.

К черту мою жизнь!

<http://tl.rulate.ru/book/91609/3608714>